

А.А. Кожаева*

A.A. Kozhaeva*

**Отход в города как тактика борьбы
лишенцев за восстановление
в избирательных правах
в 1928–1936 годах (на материалах
Маслянинского и Искитимского
районов Западной Сибири)**

**Escape to the Cities as a Tactic
of the Struggle of the “Deprived”
for the Restoration of Voting Rights
in 1928–1936 (Based on the Materials
of the Maslyaninsky and Iskitimsky
Districts of Western Siberia)**

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-3

doi:10.31518/2618-9100-2021-4-3

УДК 94(47).084.6

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Кожаева А.А. Отход в города как тактика борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах в 1928–1936 годах (на материалах Маслянинского и Искитимского районов Западной Сибири) // Исторический курьер. 2021. № 4 (18). С. 27–37. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-03.pdf>

Kozhaeva A.A. Escape to the Cities as a Tactic of the Struggle of the “Deprived” for the Restoration of Voting Rights in 1928–1936 (Based on the Materials of the Maslyaninsky and Iskitimsky Districts of Western Siberia) // Historical Courier, 2021, No. 4 (18), pp. 27–37. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-4-03.pdf>

Abstract. The article is devoted to the study of the escape to the cities as a tactic of the struggle of the “deprived” for the restoration of rights. Based on the analysis of petitions for the restoration of the voting rights of the “deprived” in the Iskitim and Maslyaninsky districts of Western Siberia, the behavioral practices of the “deprived” in the process of forced migration to cities are reconstructed. The discriminatory policy of the Soviet leadership in the Siberian countryside in the late 1920s and the first half of the 1930s led to the outflow of rural population to large cities, as well as to the destruction of social structure of Siberia with peasants being the dominant group in the population. Organized recruitment did not produce significant results due to a number of reasons as opposed to spontaneous migration. At the same time, forced migration was considered by the “deprived” as a way to avoid the economic difficulties associated with running their own economy, as well as to escape from further repression (confiscation of property and expulsion). The “deprived” used various strategies when specifying cities in their petitions, but in most cases the very fact that they worked at a factory in the city was considered by the discriminated as proof of loyalty to the Soviet government. Besides, the children of the “deprived” used the fact of moving to the city as proof of a break with their family. The retreat to the cities was one of the tactics of the struggle of the “deprived” for the restoration of their rights. The evaluation of the effectiveness of this tactic showed that the “deprived” achieved their goal in most cases only when a significant evidence base was attached to the petitions.

Keywords: “deprived”; peasantry; migrations; discrimination; escape to the cities; marginality; Siberia.

The article has been received by the editor on 26.04.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена изучению отхода в города как тактики борьбы лишенцев за восстановление в избирательных правах. На основе анализа ходатайств о восстановлении в избирательных правах лишенцев Искитимского и Маслянинского районов Западной Сибири реконструированы поведенческие практики лишенцев в процессе вынужденной

* Кожаева Альбина Алексеевна, студент бакалавриата, Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

Kozhaeva Albina Alekseevna, undergraduate student, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, e-mail: a.kozhaeva18@mail.ru

миграции в города. Дискриминационная политика советского руководства в сибирской деревне в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов привела к оттоку сельского населения в крупные города, а также к трансформации социальной структуры Сибири с преобладающим числом крестьян в составе населения. Организованный набор (вербовка), противопоставляемый стихийной миграции, не принес значительных результатов из-за ряда причин. В то же самое время вынужденная миграция рассматривалась лишенцами как способ избежать экономических трудностей, связанных с ведением собственного хозяйства, а также с бегством от дальнейших репрессий (конфискации имущества и высылки). Стратегии лишенцев при указании городов в своих ходатайствах были различны, однако в большинстве случаев факт работы на производствах города рассматривался дискриминированными как доказательство лояльности и преданности советской власти, кроме того дети лишенцев использовали факт переезда в город как доказательство разрыва с семьей. Таким образом, отход в города являлся одной из тактик борьбы лишенцев за восстановление в правах. Оценка результативности указанной тактики показала, что лишенцы добивались поставленной цели в большинстве случаев только при приложении к ходатайствам значительной доказательной базы в виде справок, ударнических и расчетных книжек и пр.

Ключевые слова: лишенцы; крестьянство; миграции населения; дискриминация; отход в города; маргинальность; Сибирь.

65 статья Конституции РСФСР 1918 г. определила семь категорий лиц, которые лишались избирательных прав («кулачество», священнослужители, торговцы и пр.). На протяжении 1920-х гг. данная процедура ужесточалась. В 1925 г. в Инструкции о выборах городских и сельских советов была закреплена новая категория лишенцев – члены семей лиц, лишенных избирательных прав. Указанная дискриминационная мера не ограничивалась рамками исключительно правовой сферы, поскольку политика, нацеленная на дискредитацию «классового врага», расширяла круг сопутствовавших этому ограничений (выселение из коммунального жилья, лишение карточного снабжения, потеря работы, запрет на застройку, исключение из образовательных учреждений и пр.). Своего апогея дискриминационная кампания достигла к началу 1930 г., когда для сельских лишенцев их статус становился реальным основанием для включения в депортационные списки. Единственным легальным способом для лишенцев, желающих избавиться от социального клейма, являлись «письма во власть», ходатайства с целью обжалования решений избирательной комиссии.

В конце 1980-х гг. в условиях пересмотра прежней классово-методологии, феномен «лишенчества» как самой массовой правовой дискриминации в раннесоветском обществе стал предметом специальных исторических и правовых исследований¹. При значительном количестве публикаций по данной тематике ощущим недостаток работ, посвященных тактикам поведения лиц из оказавшейся в маргинальном статусе категории населения при попытках добиться восстановления в избирательных правах. Одной из такого рода тактик становился отход сельских лишенцев в города и на несельскохозяйственные производства в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. для того, чтобы получить необходимый для лишенцев трудовой стаж и статус лояльного к власти гражданина.

Сибирь с XVIII в. представляла собой аграрную территорию с преобладающим числом крестьян в социальной структуре населения. В конце XIX – начале XX в. происходил процесс значительного увеличения числа крестьянства в Сибири за счет переселения из центральных регионов страны. С 1917 по 1929 г. численность сельского населения в Сибири

¹ См.: Добкин А.И. Лишенцы 1918–1936 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628; Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М., 1998; Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск, 2008; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск, 2012; и др.

увеличилась больше, чем в целом по СССР (на 23 % и 11 % соответственно²), число крестьянских хозяйств к 1928 г. достигло показателя 1 465,6 тыс.³

В результате реализации государственной политики в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. произошло радикальное разрушение ранее сложившейся социальной и территориальной структуры населения региона. В 1929 г. численность лишенцев в Сибирском крае достигла 4,4 % от взрослого населения региона⁴. Документация следующих лет не позволяет представить достоверную информацию о числе лишенцев в регионе, еще сложнее определить их количество в более мелких административно-территориальных единицах – районах, городах и сельских советах. Последнее связано, прежде всего, с качеством делопроизводства. Различного рода дискриминации и репрессии в отношении сельских жителей, а также экспроприационные «перегибы» влекли за собой массовое бегство, частью которого становился и стихийный, а не только добровольный, отход крестьян в крупные города и на стройки.

Трудовые миграционные процессы, связанные с отходом крестьян в города в конце 1920-х – начале 1930-х гг., являются сложной темой, поскольку сами по себе они не представляют однородное явление. Отход в города вызывался разными обстоятельствами и причинами, а также осуществлялся в разных формах: организованных, принудительных, добровольных, вынужденных, стихийных. Здесь действовали и пересекались одновременно разнонаправленные тенденции, когда интересы и мотивы власти входили в противоречие с мотивами и интересами тех или иных групп крестьянства.

Столкнувшись в начале первой пятилетки с нехваткой рабочих рук в базовых отраслях производства, государство, считавшее себя монополистом на рынке труда, сделало естественную ставку на организованный набор, т.е. привлечение рабочей силы через вербовщиков в селе. Однако данная мера не приносила значительных результатов, что обуславливалось рядом причин. Если рассматривать «низовую» уровень, то здесь явно играло роль нежелание трудоспособных крестьян бросать собственное хозяйство, особенно во время посева. Так, председатель правления «Востуголь» Я.К. Абрамов в своем письме в Запсибкрайисполком в мае 1931 г. объяснял провал кампании с вербовкой рабочей силы для шахт по Знаменскому району тем обстоятельством, что «ввиду посевной кампании рабсилы совершенно нет»⁵.

Другая же сторона данного процесса состояла в том, что ситуация на производстве не привлекала крестьян. По информации, переданной президиуму окрисполкома заведующим Минусинской окружной инспекцией труда, нежелание сельской бедноты и батрачества поступать на работу в «Лестресте» объяснялось: 1) низкой заработной платой при «существующей дороговизне на продукты»; 2) отсутствием спецодежды; 3) грубым отношением со стороны администрации⁶. В других документах незначительный набор рабочей силы связывался с отсутствием содействия со стороны сельских советов и колхозов в выделении рабочих рук («колхозы под разными предлогами уклоняются [от] выполнения нарядов Сибтруда»), со слабой разъяснительной работой со стороны сельских советов, рабочих комитетов, ячеек ВЛКСМ о задачах индустриализации, а также с «безответственной» работой вербовщиков⁷.

Самой распространенной формой отхода в города становился так называемый самотек. С одной стороны, государство было заинтересовано в том, чтобы крестьяне (прежде всего, колхозники) шли работать на производство в города и рабочие псоелки, с другой стороны,

² Ильиных В.А. Крестьянство в послеоктябрьский период // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 206.

³ Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 41.

⁴ Корни или щепки... С. 49.

⁵ Социально-трудовые отношения и конфликты в сибирской провинции (1922–1933 гг.). Новосибирск, 2019. Вып. 2: (1929–1931 гг.). С. 466.

⁶ Там же. С. 380.

⁷ Там же. С. 393, 437.

власти старались не допустить стихийной и неорганизованной миграции. С этой целью 17 марта 1933 г. СНК СССР принимает специальное постановление, которое, с одной стороны, подтверждало льготы для отходников, принятые 30 июня 1931 г.⁸ (освобождение от денежных отчислений в фонд колхозов, льготы по здравоохранению, выделение продовольственных пайков и пр.), но, с другой стороны, акцентировало внимание на том, что данными льготами могут пользоваться только те отходники, которые «ушли в отход на основе специального, зарегистрированного в правлении колхоза, договора с хозорганами»⁹.

Однако для части неколхозного населения сибирских сел отход в города виделся единственным способом найти заработок, а в 1930-е гг. экономические стимулы переплетались с жизнесохранением – стремлением убежать от репрессий. Важно отметить, что такой вынужденный и связанный с выживанием отход был для сельских лишенцев намного более мотивированным, чтобы осесть, закрепиться на производстве, нежели у завербованных госорганами колхозников.

Цель нашей работы состоит в реконструкции поведенческих практик лишенцев в процессе вынужденной миграции в города. Кроме того, предполагается, что данная дискриминационная практика повлияла на процесс трансформации сложившейся за длительный период времени социальной структуры Сибири, представленной преимущественно крестьянами. Указанную цель предполагается достичь путем определения причин оттока дискриминированной части сельского населения в города, а также с помощью выявления основных форм данной поведенческой практики.

Источниковой базой исследования являются хранящиеся в Государственном архиве Новосибирской области ходатайства лишенцев двух районов Новосибирского округа Западно-Сибирского (Сибирского края): Маслянинского (Никоновского) и Искитимского (Бердского). Исследовательская выборка составляет 17,1 % (170 лишенцев) от общего количества личных дел лишенцев в фонде Маслянинского района (Р-449), а также 16,7 % (132 лишенца) от общего количества личных дел лишенцев в фонде Искитимского района (Р-447).

Выбор указанных территориальных единиц объясняется рядом причин. Прежде всего, это социальный состав указанных районов. С одной стороны, они представляют собой типичные сельскохозяйственные районы с преобладанием аграрного сектора экономики, что нашло отражение в структуре их населения, представленного в основном крестьянами. Особенно это проявляется в Маслянинском районе, хотя и там присутствовал промышленный сектор в виде Егорьевских золотых приисков. С другой стороны, в 1930-е гг., из-за политики государства в деревне и индустриализации региона, существенно расширяется прослойка рабочих, занятых на производстве и шахтах. В связи с этим особое значение имеет Искитимский район, где располагался образованный еще в 1911 г., но быстро развивавшийся в годы первой пятилетки Чернореченский цементный завод.

Лишение избирательных прав ставило сельских жителей в затруднительное положение, поскольку, с одной стороны, они не могли продолжать развитие своего индивидуального хозяйства из-за страха дальнейших дискриминаций (высылка, ссылка, изъятие имущества и пр.), а с другой стороны, теряли возможность войти во вновь созданные коллективные хозяйства, поскольку это было закреплено на законодательном уровне. Последнее впервые было узаконено в постановлении ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» от 22 августа 1924 г., где указывалось, что «всем гражданам Союза ССР, занимающимся сельским хозяйством или связанными с ним промыслами и пользующимся правом избирать в Советы, предоставляется право образовывать кооперативные объединения (товарищества, артели и коммуны)»¹⁰. Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 октября 1930 г. «О недопу-

⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3738.htm (дата обращения: 19.04.2021).

⁹ СЗ СССР. 1933. № 21. Ст. 116.

¹⁰ Там же. 1925. № 21. Ст. 36.

щении кулаков и лишенцев в кооперацию»¹¹ подтверждало прежнее постановление, однако устанавливало список лишенцев, которые в качестве исключения могли быть приняты в кооперацию, впрочем, такая возможность была затруднена и не всегда достижима.

Нельзя не согласиться с Д.В. Валуевым, который в своей работе приходит к выводу, что лишенцы зачастую переживали экономические ограничения более тяжело, чем социальные, поскольку речь здесь шла уже о самых насущных вещах – потере источников пропитания и обеспеченного существования»¹². В табл. 1 представлены мотивации лишенцев Искитимского и Маслянинского районов, которые в отличие от главной цели (восстановление в избирательных правах) различались в каждой конкретной ситуации. По данным таблицы видно, что лишенцы остро реагировали на изменения в их материальном состоянии вследствие правовой дискриминации. Как правило, в рамках экономической мотивации лишенцы приводили такие аргументы, которые показывали бы их бедственное материальное положение: 1) конфискация имущества; 2) потеря рабочих рук глав и членов семьи, взятых на принудительные работы в тыловое ополчение или отправленных в ссылку, места заключения; 3) потеря продовольственных пайков; 4) исключение из колхозов.

Таблица 1

Мотивации лишенцев Искитимского и Маслянинского районов
в борьбе за восстановление в правах в 1928–1936 гг.*

Мотивация	Искитимский район		Маслянинский район	
	Кол-во лишенцев	%	Кол-во лишенцев	%
Желание добиться отмены несправедливо принятого решения	45	34	68	39,8
Желание избавиться от тяжелого материального положения	40	30,3	43	25,2
Желание избавиться от «позорного статуса» (моральная сторона)	17	13	25	14,6
Желание избавиться от статуса лишенца для того, чтобы оказать «пользу государству»	11	8,3	19	11,1
Желание освободиться из ссылки/от службы в тыловом ополчении	10	7,6	3	1,7
Нет данных о мотивации лишенца	9	6,8	13	7,6
<i>Всего</i>	132	100	171	100

* Составлено на основе базы данных автора.

Восстановление в избирательных правах казалось лишенцам способом избежать «гибели»¹³ и «голодной смерти»¹⁴. Однако важно отметить, что политический фактор также являлся одной из основных причин массового бегства в города. Так молодые лишенцы, дискриминированные вместе со своими родителями, стремились избавиться от «позорного

¹¹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Москва, 2000. Т. 2: ноябрь 1929 – декабрь 1930. С. 690.

¹² Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений... С. 107.

¹³ Заявление Ермаковой В.М. в краевую избирательную комиссию [не датировано] // Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38.

¹⁴ Заявление Годицкого Ф.Ф. в райисполком от 28 апреля 1932 г. // Там же. Д. 160. Л. 18.

имени родителей»¹⁵. Х. Кесслер, описывая процесс бегства крестьян в города во время коллективизации, справедливо отмечает: «То, что начиналось как бегство от террора и репрессий переросло в бегство от нищеты и низкого уровня жизни в колхозах»¹⁶. Таким образом, все факты, указанные выше, становились причиной массового бегства лишенцев из села в город. Желая найти работу и «свой угол»¹⁷, избежать репрессий, лишенцы переселялись в ближайшие крупные города. 33 лишенца (25 %) из выборки по Искитимскому району писали о Новосибирске: а) указывали местом жительства этот город, поэтому просили отправлять ответы на свои ходатайства по новосибирским адресам; б) сообщали о работе в столице Западной Сибири; в) о желании уехать в Новосибирск. Один лишенец упоминает также работу в Бийске. Отход в города был достаточно распространенной практикой для жителей Искитимского района во многом благодаря тому, что этому процессу способствовало наличие проходившей по территории района железной дороги.

В то же время среди лишенцев Маслянинского района такая практика не являлась широко распространенной – только 13 лишенцев (7,6 %) выборки привели аргументы, связанные с жизнью в городе. Гораздо чаще дискриминированные указанного района писали о занятости на шахтах и рудниках, в том числе на Егорьевских золотых приисках, находящихся в районе. Однако, в отличие от Искитимского района, лишенцы Маслянинского района упоминали кроме Новосибирска населенные пункты, ныне относящиеся к территории Кемеровской области: Анжеро-Судженск, Кузнецк, Кемерово, Ленинск-Кузнецкий. Один человек указал работу в городе Таре (современная Омская область), один – в Томске.

Невозможность найти надежный заработок в сельской местности вынуждала лишенцев искать работу в городах и доступных для них производствах. Однако в 1930 г. в рамках начавшейся кампании «ликвидации кулачества» власть приняла несколько важных постановлений, которые потенциально могли бы стать преградой для устройства дискриминированных на предприятия в городах. Политбюро ЦК ВКП (б) 30 января 1930 г. приняло известное Постановление, установившее основные принципы проведения кампании по «ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», в котором отдельно прописывались особые меры «по очистке промышленных предприятий в городах от отдельных кулацких элементов»¹⁸.

В постановлении также акцентировалось внимание на то, что чистка на предприятиях должна носить скорее выборочный характер, «не допуская какой-либо общей кампании чистки на предприятиях и транспорте». Вероятно, такой ограниченный характер чистки предприятий являлся вынужденным в связи с нехваткой рабочих рук на предприятиях, при этом отдельно указывались рекомендации о разработке «жестких мер к дальнейшему недопущению таких элементов на производство»¹⁹.

Дальнейшее развитие данная мера получила 3 февраля 1930 г., когда СНК СССР постановил создать специальную комиссию для разработки «срочных мероприятий по очистке промышленных учреждений и транспорта от отдельных кулацких элементов»²⁰ под председательством наркома труда Н.А. Угланова, в состав которой также должны были войти первый секретарь ВЦСПС А.И. Догадов, заместитель председателя ВСНХ М.Л. Рухимович, заместитель наркома путей сообщения Г.И. Благонравов.

Ш. Фицпатрик называет бегство в города стратегией сопротивления крестьянства сталинскому режиму. При этом она отмечает, что инициатором данной стратегии была сама

¹⁵ Заявление Ермаковой В.М. в краевую избирательную комиссию // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 225. Л. 38.

¹⁶ Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревень – социально-экономические показатели, 1929–1939 гг. // Экономическая история. М., 2003. Вып. 9. С. 78.

¹⁷ Заявление Кадьшевой С.М. в Новосибирский городской совет от 1 февраля 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 306. Л. 9.

¹⁸ Политбюро и крестьянство: Высылка, спецпоселение. 1930–1940 гг. М, 2005. Кн. 1. С. 75.

¹⁹ Там же. С. 75.

²⁰ Постановление СНК СССР «Об организации расселения выслаемых в отдаленные местности РСФСР кулаков и кулацких семей и об использовании их как рабочей силы» // Политбюро и крестьянство... С. 8.

власть²¹. Приведенное размышление представляется вполне обоснованным, если учитывать тот факт, что сталинское руководство активно не боролось с отходом крестьян из деревни. Изданные постановления о недопущении «кулаков» на производство, введение паспортной системы не способствовали снижению стихийного бегства крестьян в города. Доля городского населения Сибири с 1926 по 1939 г. увеличилась в 3,8 раза (тогда как по всей стране доля городского населения за это время выросла в 2,1 раза). К 1939 г. доля городского населения Сибири составляла 32,9 %²².

Несмотря на постановления правительства лишенцам все же удавалось попасть на производство, более того указание успешной работы становилось одним из аргументов, которые приводили лишенцы в доказательство лояльности к мероприятиям советской власти (табл. 2).

Таблица 2

Стратегии лишенцев Искитимского и Маслянинского районов при указании городов в ходатайствах о восстановлении в избирательных правах в 1928–1936 гг.*

Стратегия	Кол-во лишенцев	%
Работа в городе как доказательство преданности и основание для восстановления в правах	20	43,5
Переезд в город (работа в городе) как доказательство разрыва с семьей	17	37
Желание найти работу на производствах города после восстановления в правах	7	15,2
Переезд в город как доказательство связи с трудящимися членами семьи	2	4,3
<i>Всего</i>	46	100

* Составлено на основе базы данных автора.

33 лишенца из двух выборок, переехавшие в города, указывали, что работают на промышленных предприятиях. Для лишенцев указание работы на производствах города являлось важной стратегией, поскольку так они могли показать себя с лучшей стороны (43,5 % лишенцев из выборки использовали данную тактику). Особый интерес представляют языковые конструкции, которыми лишенцы описывали свою работу. Как правило, описывая свою работу на предприятиях Новосибирска, лишенцы отмечали, что выполняли обязанности «добросовестно»²³, «аккуратно»²⁴ и «по-ударному»²⁵, а также ссылались на «трудовой стаж»²⁶, получение «премий»²⁷ и «заинтересованность производством»²⁸.

²¹ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 100.

²² Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. Новосибирск, 1983. С. 296.

²³ Заявление Княжева В.М. в краевую избирательную комиссию от 14 мая 1934 г. // ГАНУ. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6; Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4; Заявление Хабарова Ф.Ф. в райисполком от 6 августа 1935 г. // Там же. Д. 690. Л. 3; Заявление Арестова И.Т. в краевую избирательную комиссию от 20 апреля 1935 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 80. Л. 11.

²⁴ Заявление Княжева В.М. в краевую избирательную комиссию от 14 мая 1934 г. // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6.

²⁵ Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4; Заявление Михайлова Е.Н. в райисполком от 29 августа 1934 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 601. Л. 23–24.

²⁶ Заявление Катышева С.М. в райисполком [1933 г.] // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 338. Л. 6; Жалоба Кунгурцева П.А. в райисполком от 21 марта 1935 г. // Там же. Д. 418. Л. 4.

²⁷ Заявление Селедцова Г.Ф. в райисполком от 25 августа 1934 г. // Там же. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 781. Л. 49; Заявление Арестова И.Т. в краевую избирательную комиссию от 20 апреля 1935 г. // Там же. Д. 80. Л. 11.

²⁸ Заявление Крысина М.И. в Новосибирский городской совет от 20 октября 1933 г // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 400. Л. 20.

Места работы лишенцев в Новосибирске были различны. Лишенцев привлекали на строительство крупных объектов, связанных с транспортным сообщением в тресте «Сибстройпуть» наркомата путей сообщения СССР, работали они и на кирпичном заводе, заводе «Сибкомбайн», в управлении строительством краевого исполнительного комитета и т.д.

Важным подкреплением слов лишенцев становились справки с мест работы. В инструкции о выборах городских и сельских советов 1926 г. появилась глава «О порядке восстановления в избирательных правах лиц, лишенных таковых»²⁹, в которой декларировалось право лишенцев на восстановление в правах «при условии, если они в течение не менее пяти лет занимаются производительным и общественно-полезным трудом». Доказательством же работы на производстве для членов избирательных комиссий служили многочисленные справки, ударнические книжки и прочие документы, подтверждающие факты о работе, указанные в ходатайствах лишенцев.

Отсутствие задокументированного подтверждения о работе могло стать одной из основных причин отказа в восстановлении. Е.Н. Михайлов, дискриминированный вместе с отцом в 1930 г., подавал два ходатайства в 1934 г. На первое свое ходатайство, адресованное в райисполком³⁰, автор получил отказ. В заявлении в краевую избирательную комиссию, которое было написано спустя месяц, мужчина поясняет, как ему объяснили причину отказа в восстановлении: «Недостаточное количество было приложено документов, райкомиссия в ходатайстве отказала»³¹.

Однако не всем удавалось благополучно уехать в город, поскольку главным препятствием для этого становилось их социально-правовое положение. Поэтому часть лишенцев (15,2 %) использовали стратегию обращения к своему будущему. Они писали, что «лешенцем дальше существовать нельзя»³², поскольку это мешает найти работу, следовательно, восстановление в правах, по мнению авторов таких ходатайств, помогло бы им трудоустроиться в городах.

Рассматривая бегство в города среди колхозной молодежи, Шейла Фицпатрик приходит к следующему заключению: «Для колхозной жизни в 30-е гг. симптоматично стремление молодежи уехать, так как только за пределами деревни ей мог выпасть шанс пробиться в жизни. <...> Напротив, родители, по-видимому, были всецело согласны с тем, что уехать из деревни – самое лучшее, что могут сделать их дети, особенно сыновья»³³. Важно отметить, что указанный тезис вполне соотносится не только с представителями колхозного уклада, поскольку данная тенденция также отмечается среди лишенцев. Молодежь, подвергшаяся дискриминации вместе с главой семьи, стараясь избавиться от статуса лишенца, уезжала в города, тем самым показывая свою материальную независимость от прежней семьи. Важно отметить, что подобная практика часто приводила к удовлетворительному результату – восстановлению в избирательных правах. Братья К.И. Бархатов³⁴ и Л.И. Бархатов³⁵ были лишены избирательных прав за совместную с отцом «религиозную службу». В своих ходатайствах мужчины пишут о том, что потеряли связь с отцом, а доказательством этого выступает их «самостоятельная работа» на производствах Новосибирска с 1930 по 1935 г. Кроме того, каждый из просителей приложил к своему заявлению большое количество справок с работы, а также расчетные книжки. К.И. Бархатов был восстановлен в избирательных правах 2 сентября 1935 г. Искитимский райисполком указал следующее основание для восстановления: «Принимая во внимание, что Бархатов лишен как иждивенец, занимается общественно-полезным трудом»³⁶. Его брат Л.И. Бархатов был восстановлен в избирательных правах на том же основании 19 октября 1935 г.³⁷

²⁹ Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1926. № 75. Ст. 577.

³⁰ Заявление Михайлова Е.Н. в райисполком от 29 августа 1934 г. // ГАНО. Ф. Р-449. Оп. 1. Д. 601. Л. 23–24.

³¹ Заявление Михайлова Е.Н. в краевую избирательную комиссию от 17 сентября 1934 г. // Там же. Л. 17.

³² Заявление Ковнера А.А. в райисполком от 10 августа 1935 г. // Там же. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 345. Л. 3–5.

³³ Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне... С. 21.

³⁴ Заявление Бархатова К.И. в райисполком от 26 августа 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 41. Л. 9.

³⁵ Заявление Бархатова Л.И. в райисполком от 15 сентября 1935 г. // Там же. Л. 3.

³⁶ Там же. Л. 8.

³⁷ Там же.

Но существовали примеры и обратной практики, когда родители-лишенцы стремились отобразить в своих ходатайствах переезд в город на иждивение своих трудящихся детей. Такая линия поведения преследовала две цели: с одной стороны, материальную, связанную с потерей заинтересованности в развитии собственного хозяйства, с другой – доказательную, поскольку, по мнению лишенцев, это могло бы показать их собственную заинтересованность в труде своих детей. Однако, как видно из табл. 2, данная практика была достаточно редкой (4,3 %). Кроме того, такие действия потенциально создавали опасность для дискриминации трудящихся детей. Так, В.И. Дягилев был лишен избирательных прав, несмотря на наличие раздельного акта со своей семьей, поскольку его мать, Е.Е. Дягилева³⁸, переехала к нему в Новосибирск. В своем ходатайстве он пишет, что из-за статуса лишенца его, невзирая на профессиональные заслуги, сняли с курсов десятников (бригадиров)³⁹.

Отчетливо прослеживается, что отход в города для лишенцев выполнял сразу две функции: социальной практики и тактики в борьбе за восстановление в правах. И если оценить результативность использования последней, то она достигала цели только в тех случаях, когда лишенец прилагал к ходатайству достаточную, с точки зрения избиркомов, доказательную базу в виде справок, ударнических и расчетных книжек и прочих документов. Из выборки Искитимского района восстановления в правах добились 18 лишенцев (13,6 %), из которых 10 писали о переезде в города на производство. В Маслянинском районе ситуация оказалась несколько хуже, поскольку из 18 восстановленных лишенцев (10,5 %) только четверо писали о переезде в город. При этом нельзя не учитывать тот факт, что 12 лишенцев из Искитимского и 6 из Маслянинского районов, используя ту же самую тактику, получили отказ. На решение комиссии в таком случае могли повлиять и другие факторы: характеристики лишенца от односельчан, доказательная база сельского совета (справки-свидетельства от наемных работников), а также в целом политическая ситуация в СССР. Кроме того, необходимо отметить, что часть ходатайств лишенцев, переехавших в город (шесть из Искитимского и трех из Маслянинского районов), остались без ответа. Отсутствие реакции органов на поданные ходатайства могло быть вызвано либо нежеланием избиркомов пересматривать ранее вынесенные решения, либо низким качеством местного делопроизводства.

Проследить дальнейшую судьбу лишенцев, переехавших на работу в город, не представляется возможным, однако логично предположить, что большинство из них не вернулись к занятию сельским трудом. В итоге и «снизу» и «сверху» происходил процесс «доликвидации» «лишенческих» крестьянских хозяйств, оказавшихся заброшенными, поскольку лишенцы либо уходили из села в города, либо переставали заниматься сельским трудом.

«Лишенчество», сопровождавшее проводившуюся как в целом по стране, так и непосредственно в рассматриваемом регионе форсированную этатизацию аграрной сферы, в итоге становилась одним из факторов, приводивших к непредсказуемым и нежелательным для власти результатам: сельское хозяйство в Западной Сибири накануне войны оказалось в глубочайшем кризисе. Государство, ставившее целью развитие сельского хозяйства, своими действиями разрушало человеческий потенциал тех, кто мог бы результативно трудиться в аграрной сфере. В.А. Ильиных справедливо отмечает, что «к началу 1940-х гг. индивидуальное крестьянское хозяйство в том виде, в котором оно существовало в Сибири с момента начала российской аграрной колонизации, было фактически ликвидировано»⁴⁰. Отход в города стал одной из форм исчезновения крестьянства не только как основной производственной силы Сибири, но и как самого массового социального слоя региона.

³⁸ Заявление Дягилевой Е. Е. в Тальменский сельский совет от 11 марта 1935 г. // ГАНО. Ф. Р-437. Оп. 1. Д. 218. Л. 14–15.

³⁹ Заявление Дягилева В.И. в краевую избирательную комиссию от 5 апреля 1935 г. // Там же. Л. 2–3.

⁴⁰ Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы. Новосибирск, 2001. С. 37.

Литература

Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936 гг.) (на материалах Смоленской губернии и Западной области). Смоленск: Маджента, 2012. 155 с.

Добкин А.И. Лишенцы 1918–1938 гг. // Звенья. Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 2. С. 600–628.

Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999. С. 33–75.

Ильиных В.А. Крестьянство в послеоктябрьский период // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. Новосибирск, 2009. Т. 2. С. 206–207.

Кесслер Х. Коллективизация и бегство из деревень – социально-экономические показатели, 1929–1939 гг. // Экономическая история. Вып. 9. М., 2003. С. 77–79.

Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.) / С.А. Красильников, М.С. Саламатова, С.Н. Ушакова. Новосибирск, 2008. 387 с.

Крестьянство Сибири в период строительства социализма. 1917–1937 гг. / под ред. Н.Я. Гущина. Новосибирск: Наука, 1983. 389 с.

Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х – 1980-е годы / Т.М. Бадалян, В.А. Ильиных, И.Б. Карпунина, А.П. Мелентьева. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2001. 188 с.

Тихонов В.И., Тяжельникова В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920–1930-е годы. М.: Изд-во Московского городского объединения архивов, 1998. 256 с.

Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 422 с.

References

Badalyan, T.M., Il'nykh, V.A., Karpunina, I.B., Melent'eva, A.P. (2001). *Ocherki istorii krestyanskogo dvora i semyi v Zapadnoy Sibiri. Konets 1920-kh – 1980-e gody*. [Essays on the History of the Peasant Household and Family in Western Siberia. Late 1920s–1980s]. Novosibirsk, IDMI. 188 p.

Dobkin, A.I. (1992). Lishentsy 1918–1938 gg. [Disenfranchised of 1918–1938]. In *Zvenya. Istoricheskiy almanah*. Moscow, St. Petersburg. Edit. 2, pp. 600–628.

Fitzpatrik, Sh. (2001). *Stalinskie krestiane. Sotsialnaya istoriya sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin Peasants. Social History of Soviet Russia in the 30-ies: Village]. Moscow, ROSSPEN. 421 p.

Gushchin, N.Ya. (Eds.). (1983). *Krestyanstvo Sibiri v period stroitelstva sotsializma. 1917–1937 gg.* [The Peasantry of Siberia During the Construction of Socialism. 1917–1937]. Novosibirsk, Nauka, 389 p.

Il'nykh, V.A. (1999). *Krestyanskoye khozyaystvo v Sibiri (konets 1890-kh – nachalo 1940-kh godov): tendentsii i etapy razvitiya* [Peasant Economy in Siberia (Late 1890s – Early 1940s): Trends and Stages of Development]. In *Krestyanskaya semya i dvor v Sibiri v XX veke: problemy izucheniya*. Novosibirsk, pp. 33–75.

Il'nykh, V.A. (2009). *Krest'yanstvo v posleoktyabr'skiy period* [The Peasantry in the Post-October Period]. In *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* Ed. V.A. Lamin. Novosibirsk. Vol. 2, pp. 206–207.

Kessler, H. (2003). *Kollektivizatsiya i begstvo iz dereven – sotsialno-ekonomicheskiye pokazateli, 1929–1939 gg.* [Collectivization and Rural Flight – Socio-Economic Indicators, 1929–1939]. In *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie*. Moscow. Vol. 9, pp. 77–79.

Krasilnikov, S.A., Salamatova, M.S., Ushakova, S.N. (2008). *Korni ili shchepki. Krestyanskaya semya na spetsposelenii v Zapadnoy Sibiri (1930-e – nachalo 1950-kh gg.)* [Roots or Wood Chips. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia (1930s – Early 1950s)]. Novosibirsk. 387 p.

Lamin, V.A. (Ed.). (2009). *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri: v 3 t.* [Historical Encyclopedia of Siberia: in 3 Vol.]. Novosibirsk, Istoricheskoe nasledie Sibiri. Vol. 2. 808 p.

Tikhonov, V.I., Tyazhelnikova, V.S., Yushin, I.F. (1998). *Lisheniye izbiratelnykh prav v Moskve v 1920–1930-e gody* [Deprivation of Voting Rights in Moscow in the 1920s and 1930s]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo gorodskogo ob'edineniya arkhivov, 256 p.

Valuev, D.V. (2012). *Lishentsy v sisteme sotsialnykh otnosheniy (1918–1936 gg.) (na materialakh Smolenskoj gubernii i Zapadnoy oblasti)* [Lishentsy in the System of Social Relations (1918–1936) (Based on the Materials of the Smolensk Province and the Western Region)]. Smolensk, Madzhenta. 155 p.

Статья поступила в редакцию 26.04.2021 г.